

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 7 (411)

18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши
Юг славян: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square
Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

15 Апреля 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Партийные выборы.

С. Шварц. Первые шаги.

В. Александрова. Дорогу обывателю!

Ф. Дан. К борьбе за Советский Союз.

П. Гарви. «Наш мир».

Р. Абрамович. Французский пролетариат на повороте.

Фельетон: В. Кривицкий. Из воспоминаний советского коммуниста: 3. Разгром Красной Армии: а) Расправа с Тухачевским, б) Тучи над Ворошиловым. — 4. Внешняя политика Сталина.

Заграницей: Собрание австрийских социалистов. — Съезд немецких с.-д. в Чехословакии. — Изнасилование Литвы. — Латвийский с.-д. журнал.

По России: Под ударами сталинского террора (из наблюдений и переживаний итальянского коммуниста).

Из партии: К годовщине смерти П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова.

Партийные выборы

В советской прессе опубликовано постановление ЦК ВКП от 29 марта «о проведении выборов руководящих партийных органов» во всех первичных, районных, городских, окружных, областных, краевых и республиканских партийных организациях в период апрель-первая половина июня, и напечатана соответствующая инструкция того же ЦК.

Важнейшей задачей выборов ЦК признает обеспечение избрания в руководящие партийные органы «вполне проверенных большевиков, беззаветно преданных нашей партии, испытанных в борьбе с врагами народа и способных до конца защищать дело коммунистической партии». Выборы должны быть проведены «под знаком дальнейшего всемерного подъема партийно-политической работы, укрепления связи парторганизаций с массами и успешного выполнения политических и хозяйственных задач» и «на основе строгого соблюдения внутрипартийной демократии и смелого развертывания большевистской критики и самокритики».

Эту казенную словесность о «вполне проверенных большевиках», о «связи с массами» и о «строгом соблюдении внутрипартийной демократии и смелом развертывании большевистской критики» развивают и передовицы советских газет — нельзя сказать «на все лады», ибо «лад» у этих газет давно уже стал один: буквальное повторение цитат из устных и печатных откровений гениального вождя и из одобренных им резолюций ЦК, слегка разбавленное штампованными фразами из штампованного публицистического словаря, насчитывающего не более нескольких десятков слов. Мы

читали эти штампованные фразы о «партийном монолите», о «вполне проверенных», «лучших из лучших» и т. д. одинаковые и для «Правды», и для «Известий», и для любого органа советской печати, с год тому назад, по случаю выборов в Московский комитет партии, что не мешало той же печати через несколько дней объявить одного из московских избранников, Гамарника, «врагом народа» и изменником партии; мы будем их читать до завершения партийных выборов, что опять-таки не мешает еще в их ходе или по их окончании перевести десятки, сотни, а может быть, и тысячи «беззаветно преданных» в категорию «бешеных собак». Старая и, увы, вечно новая история!

Но, если от трафаретной словесности обратиться к «сути дела», как любит выражаться мудрый «вождь народов», и заглянуть в инструкцию о проведении выборов, то сейчас же станет ясно, что сам вождь никаких иллюзий ни насчет партии, ни насчет ее «беззаветной преданности», ни насчет «строгости соблюдения внутрипартийной демократии» не питает.

Еще 27 февраля 1937 года, т. е. задолго до опыта подготовки и проведения выборов в Верховный Совет, пленум ЦК ВКП решил «установить при выборах парторганов закрытое (тайное) голосование кандидатов». Это тайное голосование и действительно вводит новую инструкцию. Но — опыт выборов в Верховный Совет даром не прошел! И потому, во-первых, как то было введено и на политических выборах, кандидатуры предварительно утверждаются «в порядке открытого голосования», и, во-вторых, открытым же голосо-

ванием избираются секретари всех организаций сверху до низу, а также президиумы и другие руководящие органы партийной конференции или собрания.

Этим все сказано: все выборы, имеющие сколько-нибудь серьезное значение, производятся открытым голосованием, и, наоборот, все выборы, производимые тайным голосованием, никакого значения не имеют! Понятно, почему Сталин мог спокойно предоставить членам партии то право, которое не было предоставлено гражданам на политических выборах: право в процедуре тайных выборов не только зачеркивать отдельные кандидатуры, но и добавлять кандидатуры новые. И понятно, почему эта никчемная «льгота» нисколько не идет в разрез с тем глубочайшим недоверием Сталина к партии, генеральным секретарем которой он состоит, которым проникнута вся инструкция.

Надо признать, что недоверие это весьма обосновано и гораздо больше соответствует действительному положению дел, чем казенно-благополучные фразы постановлений ЦК и газетных передовиц.

В порядке «демократических» тайных выборов Сталин хочет окончательно убить большевистскую партию, как идейно — политическую силу. «Беззаветную преданность» какой бы то ни было идее он хочет заменить «беззаветною преданностью» своей августейшей особе; связь с массами — организацией партийного надзора над массами; критику и самокритику голым доносом. Он хочет, словом, превратить членов партии в чиновников, а самую партию в жандармско-полицейский орган.

Он уже немало и не без успеха поработал в этом направлении. Лишь с большой натяжкой можно еще применять к той казарме и канцелярии, которая носит имя ВКП, название «партия». «Партию» сталинская диктатура новыми, якобы демократическими выборами, пожалуй, и добьет, последние остатки какой-то идейной жизни вытравит до конца. Но, превратив эту оконча-

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

тельно выхолощенную «партию» в собрание чиновников без идей и без идеала, превратит-ли ее Сталин в орган, «беззаветно преданный» его единодержавию?

Вот в чем позволительно усомниться. Ибо ненависть, возмущение, протест против сталинского единодержавия стихийно нарастают во всех слоях советского населения, как в тех, которые хотят спасти завоевания революции, так и в тех, которые хотели бы успокоиться на лоне упорядоченной контр-революции. Окончательно закрывая партии всякую возможность играть роль организатора народных масс, Сталин лишь толкает то собрание чиновников, в которое он партию превращает, к «безнародным» методам действия; лишая ее «оппозицию» всякой идейной силы, он лишь заостряет ее лично-ненавистнический характер. И кто знает, не в этой-ли, убитой им, «партии» таится его «погибель», не из ее-ли, им выпотрошенного черепа выползет все же, в конце концов, та змея, которая смертельно ужалит его единодержавие?..

Во всяком случае, передавая Ежову, в дополнение к вездесущему и всеведущему НКВД, еще комиссариат водного транспорта, а Кагановичу, в дополнение к тяжелой промышленности, еще комиссариат путей сообщения, — Сталин сам подчеркивает, как мало уже осталось возле него «партийцев», которых он еще может, с грехом пополам, дарить «высочайшим» доверием, какую пустоту он уже создал вокруг себя. Этой пустоты не заполняют партийные лже-выборы. В нее уже начинает проваливаться сталинская диктатура...

С. ШВАРЦ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Что-то существенное меняется в социальной ткани Советского Союза. По иному начинают группироваться социальные классы; по иному звучат социальные оценки; после бурных лет революции социальная стихия входит в новые берега.

Рабочий класс еще только осматривается в новой обстановке. Но уже сейчас у внимательного наблюдателя советской действительности все отчетливее складывается впечатление, что рабочий класс в массе своей отодвинут куда-то на задний план, что он находится где-то на отлете, почти вне нового советского общества. Скептический наблюдатель, может быть, склонен даже к еще более пессимистической постановке вопроса: Да является-ли вообще рабочий класс в Советском Союзе в какой-то мере активным социально-психологическим коллективом? Чем живет русский рабочий класс? Это не вопрос о том, на какие средства и как живет советский рабочий, каков его бюджет и уровень его реальной заработной платы. Вопрос гораздо труднее: Есть-ли хотя бы в зачаточной форме какая-то сознательная и самостоятельная коллективная жизнь у рабочих масс Советского Союза? Наблюдаются-ли здесь хотя бы робкие попытки классовой активности?

Я отдаю себе отчет в том, что доступный нам материал для ответа на эти вопросы неполон, что советская

печать, основной источник познания современной русской действительности, стремится тщательно замалчивать проявления самостоятельной рабочей активности. Но это замалчивание имеет свои границы: при определенном уровне интенсивности социальных явлений скрыть их невозможно. И если сведения наши о самостоятельной социальной активности рабочего класса в Советском Союзе очень бедны, то это значит, что активность эта находится еще в зачаточном состоянии.

Но она все же пробуждается и находит себе своеобразное выражение — за последний год это становится все яснее — внутри низовых профсоюзных организаций. Правда, активность эта носит глубоко аполитический характер. И это не только потому, что для самостоятельной политической активности рабочего класса все пути пока заказаны. Аполитичность рабочих масс, может быть, не в меньшей степени обуславливается тем отмеченным уже выше полу-сознаваемым ощущением своей социальной изоляции, которая характерна для рабочих масс Советского Союза в последнее время («на отлете»). В какой-то мере это развитие встречает к себе благоприятное отношение и со стороны руководства компартии, рассматривающей, повидимому, таким путем дать наиболее безобидный для сталинской диктатуры выход пробуж-

дающей активности рабочих масс и, может быть, до поры до времени канализировать накапливающееся где-то в социальных глубинах рабочее недовольство.

За последний год на многих предприятиях возникли новые, близкие массам органы, принимающие на себя заботу об улучшении условий труда и обеспечении бытовых нужд рабочих и в особенности об улучшении постановки социального страхования. Это советы социального страхования, комиссии охраны труда, бытовые комиссии. Все эти органы существуют под эгидой завкомов, но ведут нередко довольно самостоятельное существование и опираются на работу не платного аппарата, а широкого добровольческого актива. Рамки работы этих органов очерчиваются нередко широко, правда, с одним очень существенным и характерным ограничением: вопросы улучшения условий труда входят в сферу компетенции новых органов главным образом как вопросы об общей трудовой обстановке и об охране труда, но не как вопросы оплаты труда. Эта последняя группа вопросов обычно тщательно обходится и от нее добровольческий актив стараются держать на выстрел.

Во многих предприятиях советы социального страхования и — в меньшей степени — комиссии охраны труда сумели развить энергичную деятельность и добиться заметных результатов (бытовые комиссии более редкое явление и физиономия их еще недостаточно определилась). Началом было положено еще в 1936 году образованием на Коломенском вагоностроительном заводе совета социального страхования. 6-ой пленум ВЦСПС (в апреле-мае 1937 года) санкционировал это развитие, и осенью ВЦСПС издал Положения о советах социального страхования («Труд» от 10-го октября) и о комиссиях охраны труда («Труд» от 26-го октября), что явилось толчком для почти повсеместного распространения новых органов.

На задачах и структуре новых органов здесь нет возможности подробнее останавливаться. Отмечу лишь далеко идущее разделение труда в наиболее успешно

работающих органах, открывающее возможность широкой вербовки активистов. В виде примера остановлюсь лишь на комиссии охраны труда подшипникового завода им. Кагановича в Москве. Общезаводская комиссия охраны труда состоит здесь из 4 общественных инспекторов, 3 представителей от правовой санитарной и технической инспекции, директора поликлиники, заведующего отделом техники безопасности и 9 рабочих; комиссия организовала 10 «групп»:

1. плановая группа для наблюдения за выполнением планов по охране труда и технике безопасности;
2. группа, наблюдающая за вентиляцией, оградительной техникой и освещением;
3. группа по изучению травматизма и по контролю за реализацией рабочих предложений в области охраны труда и техники безопасности;
4. группа контроля за постановкой инструктажа и обучения безопасным методам работы;
5. группа контроля за выполнением законов о рабочем времени;
6. группа проверки выполнения законов о спецодежде и защитных приспособлениях;
7. группа, наблюдающая за состоянием санитарно-гигиенических и бытовых устройств;
- 8 и 9. группы контроля за выполнением законов по применению труда женщин и подростков;
10. группа массовой работы по охране труда.

Кроме того, комиссии охраны труда, а нередко и «группы» организованы и в цехах завода. В общем вокруг общезаводской комиссии охраны труда, кроме общественных инспекторов, группируются около 150 активистов («Труд» от 20-го марта).

Нередки, правда, случаи, когда организаторы комиссий охраны труда или — реже — советов социального страхования увлекаются организационной суетней, оптимистически оценивают первые и поверхностные результаты своей работы и пытаются закрывать глаза на трудности, трения и сопротивление. В качестве примера можно привести комиссию охраны труда на Московском автозаводе им. Сталина. В «Труде» от 26-го марта комиссии этой посвящена целая страница. Здесь все

В. КРИВИЦКИЙ.

Из воспоминаний советского коммуниста

(Продолжение).

3. РАЗГРОМ КРАСНОЙ АРМИИ.

а) Расправа с Тухачевским.

Задуманная Сталиным кровавая чистка коммунистической партии не могла миновать Красной Армии и ее руководящей верхушки.

Читая отчеты о 2-м Московском процессе Пятакова, мне стало ясно, что упоминание в показаниях Радека имени Тухачевского и то обстоятельство, что прокурору понадобилась реабилитация Тухачевского из уст Радека, — не случайны. Здесь был уже узел будущего процесса. Уже в феврале стали до меня доходить слухи о том, что положение Тухачевского пошатнулось. Официально, однако, ничто не предвещало страшной и близкой бури.

Правда, отношения между ГПУ и верхушкой Красной Армии были издавна натянуты, и ГПУ искало случая подкаться под военное ведомство. Но это было результатом интригантства Ягоды и его аппарата и шло больше по линии профессионального недоверия ГПУ к военному ведомству. Самостоятельно ГПУ было бессильно предпринять что-либо решительное, чтобы осуществить свою давнишнюю мечту и поставить на колени руководство Красной Армии. Эта «честь» выпала на долю Ежова.

Сталин давно наблюдает эту глухую ведомственную борьбу, разыгрывает противников друг против друга, разжаривая все больше, поджидая удобного момента для осуществления своих планов. В Красной Армии накапливается недовольство. Красная Армия недовольна результатами пятиле-

ток, она считает в интересах обороны необходимой перемену политического курса. А Красная Армия — органическая часть советского народа. Недовольство существует и во всех областях хозяйственной жизни. Сталин справляется с этим недовольством путем массовых арестов, но он не решает производить аресты в Красной Армии, не имея за собой предварительно проведенной консолидации полицейского аппарата. Во вторую половину 1936 года Сталину удается через командующего войсками ГПУ Фриновского, а потом через Ежова — прибрать ГПУ к своим рукам. С этого времени он считает, что настал момент для того, чтобы распространить кровавую чистку и на Красную Армию.

С каждым днем мои догадки получали новое подтверждение. Стоял апрель, и в сферах обсуждалась кандидатура лица, которое будет представлять Советский Союз на предстоявшей в мае коронации английского короля. При этом называлось уже не имя Тухачевского, а адмирала Орлова, впоследствии тоже арестованного и расстрелянного.

В конце апреля мне стало известно о предстоящем снятии Тухачевского с поста заместителя наркома обороны и назначении его командующим Средне-Волжским Военным Округом. С этого дня тучи над руководителями Красной Армии стали собираться с молниеносной быстротой.

В последний раз видел я Тухачевского на параде Красной Армии в день празднования 1-го мая 1937 года. Это был последний парад, на котором присутствовал уже опальный Тухачевский, и, как ни мимолетна была эта встреча, хочется ее описать.

Приготовления к 1-му мая в 1937 году делались особенно

выглядит очень благоприятно: охрана труда резко улучшилась, травматизм вот уже несколько месяцев резко сокращается, актив громаден, игнорирование администрации указаний инспекторов труда отошло в область прошлого. Все это слишком хорошо, чтобы полностью отвечать действительности. Ведь вот еще совсем недавно в «Труде» же была напечатана о том же заводе статья старшего общественного инспектора завода Комарова, того самого, который сейчас в качестве председателя общезаводской комиссии охраны труда в том же «Труде» полон оптимизма, — и статья эта звучала совсем иначе:

На заводе процветают сверхурочные. «Некоторые командиры производства применяют явно недопустимые методы, чтобы оставить рабочих на сверхурочной работе. Недавно был такой случай. Рабочий кузовного цеха т. Талайко в течение целого месяца не имел выходных дней. 6-го декабря — в очередной выходной день — он не остался работать. Тогда мастер Селезнев грубо заявил ему:

— Ты являешься срывщиком программы, завтра я поставлю о тебе вопрос...

Казалось бы, что факты нарушения законов о труде должны были всколыхнуть профорганизацию завода. На самом же деле это не так. Завком спокойно взирает на все эти безобразия. Пользуясь этим, хозяйственники завода с каждым месяцем увеличивают применение сверхурочных...

Инспекция охраны труда боролась с этими безобразиями. Но наши усилия в ряде случаев оканчивались неудачей, так как мы не находили абсолютно никакой поддержки ни со стороны заводских организаций, ни даже со стороны ЦК союза рабочих автопромышленности» («Труд» от 14-го февраля).

Нет ничего хуже, чем закрывать глаза на эту тихую сапу со стороны хозяйственников, а нередко и профсоюзов. Там, где комиссии охраны труда пытаются не замечать этих трудностей, они рискуют очень скоро потерять свой актив и потерять влияние в рабочей среде. Типичный пример — заводы транспортного машиностроения. В середине февраля ЦК союза созвал совещание комиссии охраны труда московских заводов. На совещании выяснилось, что «администрация нередко иг-

норирует указания общественных инспекторов труда; имеются даже попытки со стороны некоторых хозяйственников избавиться от профсоюзных активистов, требующих соблюдения законов о труде; заводская печать мало или почти совсем не освещает вопросов охраны труда». В связи с этим комиссии охраны труда увядают, являют «весьма непривлекательную картину состояния работы по охране труда» и даже «не знают о намеченных хозяйственниками мероприятиях и планах по охране труда»; «за выполнением наказов избирателей по вопросам охраны труда никто не следит» и т. д. («Правда» от 22-го февраля).

ЦК союза, может быть, в связи с печальными результатами Московского совещания, послал «бригаду» на один из крупнейших заводов транспортного машиностроения, Бежецкий завод «Красный Профинтерн», чтобы на примере этого завода глубже «изучить причины возникновения жалоб» со стороны рабочих. За 10 дней работы бригада получила сотни жалоб и заявлений рабочих и служащих, выяснивших картину «грубого администрирования» на заводе при широком попустительстве со стороны завкома:

«Завком пренебрежительно относился к жалобам членов союза, он не вел борьбы с нарушениями трудового законодательства и не только потакал незаконным действиям администрации, но и сам допускал грубый произвол в отношении членов союза. На заводе широко укоренилась такая практика, что, когда администрация увольняет рабочего за тот или иной проступок с завода, цеховые комитеты и завком спешат исключить его из профсоюза.

«Рабочий деревообделочного цеха Новиков требовал повысить расценку на одну из работ. Завком исключил его из профсоюза «за умышленное понижение производительности труда, за вредную агитацию среди рабочих, за хулиганское поведение и неуплотнение рабочего дня».

Нормировщик кирпичного цеха Антонов, списывая с доски показателей выработку норм стахановцев, на вопрос о том, зачем он это делает, ответил, что готовится матерьял для пересмотра норм. Администрация цеха, узнав об этом, уволила его «за антигосударственные тенденции, направленные на срыв стахановского дви-

гательно и сводились к одной стратегической задаче — охране Сталина. Помню, зашел я как-то по делу к ответственному работнику Особого отдела ГПУ, Корнилову. Увидя меня, он показал на собравшихся в его кабинете людей и сказал: «Видишь, какое горячее время стоит, 14 дней только и делаем, что заседаем и прорабатываем меры к первомайскому параду. Почти месяц ничем другим и не занимаемся».

К концу апреля волна арестов в стране перешагнула все мыслимые границы. У меня не было знакомого, который не рассказал бы мне об арестах его близких. Билетов на Первомайский парад, которые и раньше то получались нелегко, сейчас было почти невозможно достать. Распределением их ведало всего несколько людей — представители 3 организаций — Наркомата обороны, где за распределение лично отвечал Ворошилов, Наркомвнудела — Ежов и оргбюро ЦК компартии. 90% всех билетов на парад были служебные и выдавались только сотрудникам НКВД. Эти сотрудники обязаны были явиться на парад в штатском, по возможности, в заграничных костюмах. Места на трибунах распределялись так: в первом ряду стояли сплошь чекисты, потом шел узкий ряд ответственных работников других организаций, допущенных на парад, затем вновь сплошной ряд чекистов и т. д. Боковые места были также заняты сотрудниками НКВД. Сам я получил билет только накануне 1-го мая, поздно ночью.

День 1-го мая выдался особенно ясный, солнечный, улицы чисто подметены, обстановка праздничная. Все улицы оцеплены, вся милиция на ногах, самые ответственные работники ГПУ стянуты со всех мест, чтобы лично руководить охраной на улицах.

Подойдя к зданию Метрополя на Свердловской площади, я увидел казачьи части, расположенные в заднем каре площади. Впервые казачьи части участвуют в первомайском параде. Это новинка. И что за казаки: превосходные кони, люди, как на подбор, прекрасное обмундирование, развеща-

ющиеся плащи и башлыки. Некоторые казаки уже выпустили на лоб традиционные казачьи чубы...

Миновав 10 кордонов, проверявших документы, я, наконец, очутился на трибуне среди своих. Увидя знакомую со трудницу, спросил ее, почему мне так поздно прислали билет. Она ответила: «Радуйся, что еще получишь... И вообще Кривицкий, жить больше не хочется. Аресты кругом, без конца»...

Но вот ряды трибун стали заполняться. Мимо нас прошли представители дипломатического корпуса, потом маршалы Буденный с Егоровым. Я пристально всматривался в лица проходивших, ища Тухачевского. Вдруг моя собеседница толкнула меня в бок: «Смотри, Тухачевский идет». Я быстро оглянулся. Действительно, со стороны Исторического музея увидел я Тухачевского: он шел совсем один, руки небрежно в карманах, но в фигуре, в походке — характерная военная выправка. Вдруг Тухачевский остановился и обвел взглядом всю Красную площадь, скользнул по трибунам и неторопливо, спокойно и собранно прошел к мавзолею Ленина и встал под ним. Таким и остался он у меня в памяти — на минуту остановившимся и широким охватом озирающим Красную площадь. Может быть, он остановился тогда по привычке военного человека — в последнюю минуту перед парадом проверяющим, все ли в порядке, а, может быть, — кто знает? — он тогда прощался с Красной площадью...

6) Тучи над Ворошиловым.

В начале мая 1937 г. среди множества слухов, курсировавших в связи с массовыми арестами, начали упорно называть имя Гамарника. Гамарник был первым заместителем Ворошилова и начальником Политического Управления Красной Армии, старым членом партии из старой большевистской гвардии. Здесь нужно особенно подчеркнуть то обстоятельство, что имя Гамарника называлось отнюдь не только в ГПУ и среди людей осведомленных, но упорно повторялось в са-

жения и уменьшение высокой производительности труда». Антонов опротестовал этот нелепый приказ. Но РКК подтвердила правильность увольнения т. Антонова на том основании, что слова Антонова «не лишали возможности среди остальных рабочих замедления на выполнение и перевыполнение норм». Цеховой комитет со своей стороны исключил Антонова из профсоюза...

Заводский комитет не вел борьбы с нарушениями трудового законодательства. На заводе широко применялись сверхурочные работы, причем в ряде случаев рабочие оплаты за них не получали. Так, начальники цехов, получая разрешение, скажем, на 500 часов сверхурочных работ, проводили 3.000 часов, а рабочим оплачивали только за то количество сверхурочных часов, которое было разрешено инспекцией охраны труда...» («Труд» от 2-го апреля).

В. АЛЕКСАНДРОВА.

ДОРОГУ ОБЫВАТЕЛЮ!

Страстно и бурно было начало русской революции, когда бунт отчаяния объединился с волей к лучшей, человеческой жизни, когда боль великого унижения соприкасалась с мечтой о братстве трудящихся. Страшные и неожиданные формы ее завершения сейчас тоже результат волевых устремлений и желаний миллионов индивидуумов. Смертные приговоры руководителям Октябрьской революции выносит не только Сталин с Ежовым и их подручными. В качестве судей на этих процессах незримо присутствует какая-то часть нового, сложившегося советского общества. Проникновение в психологию зауряднейшего советского гражданина, пожалуй, скорее приблизит к разгадке процессов, чем самые изощренные домыслы о Сатурне, пожирающем своих детей, и об общей морали большевизма.

Художественная литература попрежнему остается незаменимым источником для изучения психологии нового общества.

Комиссии охраны труда проходят нередко мимо этих подлинно вопиющих безобразий и пытаются оставаться «на нейтральной почве». Напрасные усилия! В отчете об обследовании завода «Красный Профинтерн» вскрывается основное внутреннее противоречие современной советской заводской жизни, от которого не уйти. В процессе работы новых органов и группирующегося вокруг них актива рабочие массы начинают отчетливее сознавать это противоречие и вместе с тем непосредственно ставятся перед вопросом уже не только о положении рабочих на заводах, но и перед гораздо более сложным вопросом о положении и о задачах рабочего класса в Советском Союзе.

Совсем недавно писатель Е. Петров написал возмущенный отзыв о самой шумевшей пьесе этого сезона, идущей в Московском Камерном театре. Это «Очная ставка» бр. Тур. Действие пьесы начинается в кабинете старшего следователя НКВД. Пожилой колхозник поймал на границе перебежчика. Он оказался маленьким пенсионером, бывшим бухгалтером Галкиным. Постепенно, шаг за шагом, при участии «советских патриотов» следователю удастся раскрыть в мирном старичке опытного германского шпиона. Добровольные помощники следователя самые обыкновенные советские граждане: тут и молодой студент, и бывший вредитель-инженер, и пьяница-портной, и еще один портной со своей женой, и врач больницы. Словом — «это такие же люди, как и те, которые пришли смотреть их в зрительном зале». «Вот почему, — замечает Петров, — публика смотрит спектакль с таким исключительным вниманием. Вот почему реплику следовате-

мой гуще населения. Тем более поразило меня, когда на пленуме Московского Комитета компартии, состоявшемся в конце мая, Гамарник был еще выбран членом Московского Комитета. Как объяснить этот факт? Очевидно на верхах и в Политбюро, где конечно было известно о связях Гамарника с кругами Тухачевского, шли еще переговоры и торги. В Политбюро хотели по возможности сгладить, а может быть, и сузить круг обреченных к расстрелу жертв и поэтому до последнего момента о Гамарнике ничего компрометирующего не распространялось, а Московскому Комитету Политбюро даже поручило выставить кандидатуру Гамарника в члены Московского Комитета.

В 20-х числах мая из секретариата Ежова в первый раз был пущен слух о том, что в стране раскрыт грандиозный заговор на жизнь Сталина и Ежова, какого еще не знал мир. В заговор втянуты были вся верхушка Красной Армии, весь Наркоминдел, все руководящие инстанции народного хозяйства и большие группы партийного аппарата. Заговор был разработан до мельчайших подробностей. Целью заговорщиков было убить Сталина и Ежова. Заговорщики будто бы приступили уже к осуществлению своего плана, и только в самый последний момент удалось спасти Ежова.

В эти дни в числе заговорщиков упорно называлось и имя Ворошилова, наряду с именами Енукидзе и Карахана, теперь уже расстрелянных. Все эти лица как будто были связаны с Ягодой и Прокофьевым. Эти два последних тогда уже были арестованы.

Лично меня упоминание имени Ворошилова в связи с раскрытым заговором несколько не удивило. У меня было много данных, говоривших о давнем недоверии, которое питал Сталин к Ворошилову. Я знал о том, что еще в 1930-31 гг. Сталин стремился окружить Ворошилова своими людьми. Особенно боялся Сталин связи Ворошилова с границей и поэтому как раз на этот участок посадил своего доверенного человека, Таирова, теперь назначенного послом в Монголию. Таиров был тем человеком, который не пропускал

ни одного письма от заграничного атташе к Ворошилову, не показав его Сталину. Впрочем к этому времени относится также и недоверие Сталина к Блюхеру. В 1932 году это недоверие Сталина к Блюхеру достигло своего апогея и он спешно отправил тогда Таирова комиссаром на Дальний Восток к Блюхеру. Но Блюхер понял маневр и очень резко протестовал против этого назначения. Сталину пришлось в конце концов убрать Таирова из Хабаровска и послать его в близлежащую Монголию.

Мне известно, что на заседаниях Политбюро в 1936-37 гг. Сталин, хотя и не открыто, а по-сталински, исподтишка, подкапывался под Ворошилова. Для этой цели он особенно использовал Фриновского, командующего войсками НКВД. Это конечно не было случайностью. На Фриновского Сталин давно уже бросил свой благосклонный взор. Фриновский был не только тем из заместителей Ягоды, который помог Сталину позднее изолировать Ягodu и подготовить почву для Ежова, но Фриновский нужен был Сталину и для того, чтобы расправиться с Красной Армией. Вот почему на заседаниях Политбюро, где обсуждался бюджет или организационные вопросы, затрагивающие интересы Красной Армии и войск ГПУ, Сталин неизменно бывал на стороне Фриновского против Ворошилова.

Вот почему я и убежден, что в 20-х числах мая 1937 года Ворошилов стоял под угрозой ареста. Иначе нельзя объяснить себе один факт: как раз в эти дни лично от Сталина была дана директива, чтобы 4-ое управление Штаба РККА (Разведупр), которое до тех пор было подчинено непосредственно Ворошилову, как наркомату обороны, немедленно было изъято из ведения наркомата обороны и в кратчайший срок передано в ведение НКВД и подчинено Ежову. Этот невероятный факт можно объяснить только недоверием, которое скопилось у Сталина против Ворошилова.

В мае же был арестован и Рудзутак, кандидат Политбюро, и вскоре после его ареста прошел слух, что вместе с ним арестован заместитель Ворошилова, начальник военно-

ля о том, что в нашей стране НКВД имеет 170 миллионов явных агентов, публика встречает о в а ц и е й». Не пьеса, а апофеоз доносительства, разыгранный вдобавок умело и с юмором. Между сценой и публикой наконец-то создана атмосфера теплого контакта.

Допустим, пьеса братьев Тур—ежовский заказ. Пойдем еще дальше: статья Петрова тоже заказ. Но смех, оваций публики, теплота этого контакта — это ведь уж не заказ, это живая реальность. Ведь силком в театр никто не тащит. Из этой реальности надо исходить, ее нужно понять. Лет 6-7 назад благонамереннейший советский писатель Вс. Иванов написал рассказец, пользовавшийся большой популярностью. Герой рассказа ищет счастливых советских людей. Приезжает он в Рязань. Красивый город Рязань, только народ в нем какой-то «хилый и смутный» и страсть как любит хоронить друг друга. Едет в Саратов. И Саратов город большой и красивый, только и тут народ «тревожный и занятий». У каждого в руке карандаш и каждый на заседание спешит, а на тех заседаниях люди друг на друга доносят. В Астрахани любовь к доносительству сочетается еще с любовью к статистике. Хвастают астраханцы: «И донос тот у нас миллионный». Только одного вполне счастливого гражданина отыскал неутомимый рассказчик — это был нищий на площади в Саратове. Сидит он там, и «сам с собою заседает, и сам на себя доносы пишет». Рассказ Иванова написан был в разгар генеральной линии, времена были отнюдь не либеральные. А какой дерзкой вольницей революции веет от него сейчас! Да, тогда и власть, и писатели еще ориентировались на революционные элементы внутри своего общества. Сегодня эти связи уже оборваны. Сегодня нельзя положиться ни на компартию, ни на рабочий класс, о крестьянстве уж и говорить не приходится. Сегодня власти спокойно только с массой обывателей. Зависимый от нее, ею же затюканный, бессловесный обыватель кажется самым прочным оплотом. Не презирайте малых сих, — кричит пьеса «Очная ставка», да-да, не презирайте нас, в случае чего и мы вам

поможем! — вторят обыватели, шумно и радостно аплодируя пьесе.

Симпатичны в этом отношении и первые рассказы о выборах в Верховный Совет. Каждый из писателей, взявшись за этот ответственный сюжет, старался показать только рабочих и колхозников. Но творческий инстинкт сыграл с ними злую шутку: не сговариваясь, все они дали своих рабочих и крестьян не в их обычной трудовой обстановке, а в их домашности. Рабочий Грязнов (см. А. Эрлих «Праздник») идет на выборы с женой и дочерью. Теща Прасковья Кузминична, надорвавшись праздничной уборкой, свалилась. За ней присылают автомобиль. Придя домой, Грязнов все ахает по поводу наших достижений, а Прасковья Кузминична, собирая на стол парадный обед, говорит ему: «Ну, разговорился без остановки, а слушать нечего. Сходил бы лучше, сливочных карамелек хочется»...

О том, как серьезна ставка, делающаяся сейчас официальной общественностью на советского обывателя, особенно наглядно чувствуется в творчестве действительно большого советского писателя М. Зощенко. С самого начала революции была у Зощенко своя генеральная тема: обыватель в революции. Был он неистощим в ней, бичуя косность, живучесть, жалкую, короче воробьиного носа — философию обывателя. Он и сейчас полон матерьяла о нем. Героиня рассказа «Новые времена» некая Любочка: «бывают такие женщины — как будто в них ничего и нет особенного, а вот оне на вас посмотрят своим туманным взором... и мужчина, как говорится, остается без ума». Первый муж Любочки пошел в концлагерь за спекуляцией, второй — советский служащий — проворовался. Дело житейское, отбывает он принудительные работы, тоскует о своей Любочке. В награду за его усердие начальник выписывает Любочку. Она тут же начинает «крутить роман» с караульным, вводит его в грех. Правда, Дошевец чистосердечно во всем сознается начальнику (тот тоже неблагополучен по части чувств к Любочке, но держит марку). Все кончается ко всеобщему удоволь-

воздушных сил Союза — Алкснис (соотечественник Рудзука). Слухи эти были подтверждены самими авторитетными людьми, как со стороны армии, так и со стороны ГПУ. Тем более поражает тот факт, что позднее Алкснис очутился в числе членов трибунала, приговоривших маршалов к смерти. Алкснис, как известно, был позднее все же арестован. Ворошилов-же и поныне маршалствует.

Случай с Алкснисом и Ворошиловым лишний раз убеждает в том, что в организации и постановке процессов новейшего времени большую роль играют переговоры власти с намеченными жертвами. Ворошилов остался жить потому, что согласился всадить пули в затылки своих бывших товарищей по командованию...

4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА.

В настоящей главе я не собираюсь исчерпать тему о внешней политике Советского Союза, а хочу лишь осветить внешне-политическую установку самого Сталина.

Внешняя политика Советского Союза на протяжении всех лет революции испытала много перемен и поворотов. Но Сталин один из первых среди руководителей политики Союза стал ориентироваться на Германию и необходимость союза с ней. Интересы Советского Союза требовали прочных добрососедских отношений со страной, которая в экономическом, техническом и культурном отношениях могла стать опасной стране Советов.

Знаменательно однако то, что эта основная установка Сталина отнюдь не переменялась после прихода Гитлера к власти, а, наоборот, усилилась. С приходом национал-социалстов к власти Сталин стал еще упорнее стремиться к тому, чтобы укрепить хозяйственные и политические связи с Германией.

Вот почему, когда советской дипломатии удалось продлить в 1933 году торговый договор с Германией, Сталин считал это своим большим триумфом.

Сталин не изменил своей установки даже тогда, когда стали вырисовываться контуры курса на организацию Гитлером анти-советского блока в Европе. Сталинская установка была продиктована двумя соображениями: интересами обороны Союза и очень пессимистической оценкой сил западно-европейской демократии и западно-европейского социализма. Вот почему намечавшийся анти-советский европейский блок Гитлера Сталин расценил как **маневр**, на который решил ответить **контр-маневром**, не меняя основной линии внешней политики, направленной в конечном счете на соглашение с Германией.

Существо сталинского контр-маневра заключалось в переходе на линию защиты Европы Версальского мира, т. е. в сближении с Лигой Наций и с теми странами, которые определяют ее политику (Англия и Франция).

Для популяризации этой совершенно новой линии, явившейся, кстати сказать, полнейшей неожиданностью для западно-европейских коммунистов, Сталин избрал **Радека**. Этот новый курс и лег в основу франко-советского пакта. Людям, не посвященным в тайны советской дипломатии, недооценивающим упорство Сталина в осуществлении раз намеченной цели, сближение с демократической Европой, роман с Лигой Наций — могли казаться разрывом со всей предыдущей внешней политикой Союза. В действительности Сталин на всех этапах своей внешней политики оставался верен своей основной установке. Даже стоя в преддверии франко-советского пакта, Сталин на заседании Политбюро продолжал упрямо твердить свое: **А с немцами нам нужно договориться**.

Так как непосредственное осуществление этой задачи в обстановке «маневра» Гитлера и «контр-маневра» Сталина было невозможно, Сталин попытался сделать это окольным путем через экономические договоры. Своим людям, ведшим эти закулисные переговоры, Сталин внушал, что они не должны останавливаться перед уступками и что их основная задача убедить руководящие германские круги в искренности

ствию. Начальник устоял от соблазна. Дошевец, отбив наказание, уехал на родину, где женился на другой. Прославился он тем, что жена его родила ему тройню. И хвастает Дошевец: вот ежели бы еще раз то же самое повторилось, или родила бы жена хотя бы еще два раза по одному, «то он будет исключительно счастлив и доволен, поскольку будет получать солидное пособие на многосемейность». Достаточно представить себе, что из этого материала создал бы Зошенко прежде, а сейчас — назвался груздем, полезай в кузов — «сейчас формируются новые люди, новые отношения, новый быт», и умный Зошенко с вежливой грустью снимает шляпу перед своими старыми «героями».

Присматриваясь к разработке популярной ныне темы о доносите́льстве, видишь, что помимо ударного политического значения — изобличения «троцкизма» и устраивания им публики, доносите́льство выполняет еще какую-то скромную, но нужную функцию в современной повседневной жизни. Модный поэт Лебедев-Кумач написал на эту тему чуть ли не балладу «Случай в советской школе». В классе во время перерыва задержалась школьница Оля и видит: крадучись к классной карте новичок подошел и давай на ней всякие рожи малевать. Оля донесла учителю. При разборе дела выяснилось, что новичок многим успел насолить: одному чернила на тетрадку опрокинул, другого тумачком наградил, но все молчали. Советского поэта больше всего взволновало именно это молчание: «Мужество Оли понятно, но надо додумать, почему молчали другие ребята?» Открыто на чувство товарищеской солидарности поэт не решается нападать, вместо этого он пускается в слюнявое разглагольствование о том, что товарищество товариществу рознь: «Тем, кто хочет творить и расти в великой советской Школе, надо подчас поучиться пойти к маленькой школьнице Оле».

Маленький экскурс в недавнее прошлое поможет понять закономерность этих поворотов в области морали нового быта. В 1931 году пролетарский писатель

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Юрий Либединский в повести «Рождение героя» вскрыл устрашающее неблагополучие в области воспитания детей. Дети ответственных работников и партийцев не только были предоставлены самим себе, они были очевидцами разложения семьи. «А вот мой папашка завел порядок, — рассказывает Петя Колосов своему другу Боре, — с машинистской... понял? Вот старый кобель... А мама... — Петя махнул рукой... — С другой стороны, верно: устарела мамаша. Но дома у нас такая дискуссия... Но и пионерский лагерь не увлекает Петьку, мечтает он о беспризорниках: «Ну что пионерский отряд... всякий маменькин, вроде Гуськова, шпионит за тобой, сволочь, дружбы никакой, скука, а ведь там какие ребята! Отчаянные, вот. А дружба какая, все за одного и один за всех. Настоящая жизнь!»

Социология беспризорничества эпохи генеральной линии гораздо сложнее, чем принято думать. Художественная литература не раз отмечала в этом втором со времени революции беспризорничестве присутствие детей ответственных работников и партийцев, бежавших туда из протеста за отсутствием детства. «Ведь нельзя же так с детьми!» — этот горячий и страстный шопот Бори Шорохова из повести Либединского стоном стоял в жизни советского общества, особенно его привелигированной части. Проблему этого беспризорничества пытается осветить и Гладков в «Энергии» на примере Кирилла Ватагина, ставшего бес-

намерений самого Сталина, готового для осуществления сближения ангажироваться довольно далеко.

Одновременно Сталин продолжал линию своего «контрманевра», поручая своим дипломатам осуществление сближения с Францией. На сближение с Францией и Лигой Наций Сталин смотрел как на средство укрепить свои позиции для переговоров с Гитлером. Составной частью этой подготовительной работы по укреплению своих позиций являлась попытка Сталина склонить Польшу переориентировать свою внешнюю политику, чтобы таким образом в игре против Гитлера получить еще и польский козырь.

Внешняя политика Польши со времени прихода Гитлера к власти была полна драматических колебаний. Сейчас же после прихода Гитлера к власти в Польше возник план отозваться на это событие большой внешней операцией — занятием Востерплатте около Данцига. За эту операцию стоял сам Пилсудский. Он не реализовал этого плана лишь потому, что оказался в одиночестве в Европе (Франция его не поддержала). Сталин учел все эти колебания и решил перетянуть Польшу на свою сторону. На первых порах многое говорило за то, что сталинский план может удался.

На специальном заседании Политбюро, на котором присутствовали представители всех заинтересованных ведомств (Наркомат обороны, Наркоминдел, НКВД и Радек в качестве представителя информационного отдела ЦК компартии) вопрос о том, куда пойдет Польша, подвергся тщательному обсуждению. Литвинов, Радек и представитель наркомата обороны полагали, что Польша в данный момент может присоединиться к Советскому Союзу. Против этой точки зрения высказался лишь представитель НКВД — Артузов. Он считал, что перспективы польско-советского соглашения иллюзорны.

Выступление Артузова, осмелившегося говорить против точки зрения, имевшей большинство в Политбюро, было остановлено самим Сталиным, сказавшим Артузову: «Ваши высказывания дезориентируют Политбюро». Замечание Ста-

лина тотчас же стало передаваться в руководящих кругах, и «смелчака» Артузова считали уже конченным человеком. Последующие события показали, что Артузов был прав. Польша пошла в фарватере германской ориентации.

Неудача с Польшей еще больше убедила Сталина в необходимости сговориться с Германией. Всяческими путями — официальными и неофициальными — Сталин дает понять близким к Гитлеру кругам, что он серьезно стремится к соглашению с Германией. И хотя на свои авансы Сталин не получал никаких сколько-нибудь обнадеживающих ответов, он продолжает упорно стремиться к своей цели.

Наступили события 30-го июня 1935 года, когда Гитлер одним ударом расправился с группой Рема-Шлейхера. На совещании Политбюро с участием всех представителей заинтересованных ведомств Сталин опять возвращается к своей заветной мысли о необходимости добиться соглашения. Интересна оценка, которую по горячим следам событий 30-го июня 1934 года дал здесь Сталин: Эти события вовсе не ведут к краху национал-социализма, а, наоборот, будут содействовать укреплению государственного аппарата режима, его мощи и тем самым будут способствовать укреплению самого Гитлера. Исходя из такой оценки германских событий, Сталин берет курс на то, чтобы склонить Гитлера к сближению во что бы то ни стало.

Осенью 1935 года, после визита Лавалля, Сталину стало казаться, что наступает благоприятный момент для успешных переговоров. Оптимизм Сталина объясняется тем, что как раз в это время Германия предоставила Советскому Союзу новые кредиты на выгодных условиях. И вот из Политбюро летит крылатая фраза Сталина: «Ну как Гитлер будет с нами воевать, когда он нам такие кредиты дает? Неверно это...»

Сам Сталин считает, что теперь наступил момент для осуществления желаемого сближения. Всем организациям, имеющим отношения с Германией, он внушает мысль, что они должны убеждать руководящие немецкие круги, что он, Ста-

призорником в то время как его отец — начальник строительства, казалось бы, мог дать сыну нормальное воспитание.

Сейчас партийцы и ответработники бросаются к старым якорям — к семье. Но крепкая и дружная семья — не Ноев ковчег, неуязвимо плавающий среди бушующей стихии. Ладная семья возможна только в общественно здоровой атмосфере. Она разрушена. От бурь революции уцелела только прежняя, смиренная, мещан-

ская семья со всеми ее особенностями: готовностью унижаться перед всякой силой, культивирующая лицемерие, ханжество, борющаяся с детской потребностью в свободе. К ней, как к варягу, призывает сейчас официальная общественность, прося навести порядок.

Советский обыватель входит в «бесклассовое общество» вовсе не бочком и не с черной лестницы, а на правах старого дяди, который должен помочь наладить расстроенную жизнь...

Ф. ДАН.

К борьбе за Советский Союз

В 1933-34 годах формировался тот круг идей о военной политике рабочего класса, который отводил Советскому Союзу центральную роль в анти-фашистско-военном сплочении сил международного пролетариата и который в 1935 году нашел свое выражение сначала в тезисах «четверки» (Бауэр, Дан, Дюнуа, Жиромский), потом в тезисах нашей Заграничной Делегации.

То было время, когда оглушительная победа национал-социализма в Германии впервые заставила всех, «имеющих очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать», осознать мировой анти-пролетарский характер фашистской опасности, как порождения неизлечимого кризиса мирового капитализма. То было, с другой стороны, время, когда советская революция, завершив свои разрушительные, восстановительный и реконструктивный циклы, явно вступала в завершительный период, в период подведения социально-политических итогов всем ее достижениям и завоеваниям, и когда к тому же на первый план выступали те явления этого периода, которые питали оптимистическую оценку его и внутренних, и международных социально-политических возможностей.

В международно-политическом отношении это время характеризуется всем тем поворотом в ориентации Советского Союза, который привел к его вступлению в Лигу Наций, и стремлением играть роль одной из самых основных и активных сил в борьбе за европейский и всемирный мир против фашистской агрессии (договоры о «клеимении войны» и «ненападении», планы «Восточного Локарно», франко-советский пакт и т. д.); в международно-пролетар-

ском отношении — отказом от теорий «социал-фашизма», признанием принципов рабочей демократии, провозглашением «единого фронта» уже не «через головы вождей» и партий, а именно через партии и вождей (7-й конгресс Коминтерна) и т. д.; во внутренне-политическом отношении, наконец, — поворотом к демократии, всенародности и т. д., приведшим вскоре к возведению, а затем к выработке и принятию новой конституции.

Все это давало достаточно оснований для надежды на такую эволюцию Советского Союза, которая действительно сделает его способным играть роль основной крепости международного пролетариата и в борьбе за мир, и в анти-фашистском ведении войны. Но надежда эта уже тогда связывалась именно с расчетом на определенный характер эволюции советского режима и советской политики в мире и в войне.

Это достаточно ясно выражено и в тезисах «четверки», хотя хорошо известные расхождения между отдельными авторами этих тезисов в оценке некоторых сторон советской проблемы и заставляли искать более растяжимых формулировок, для всех их одинаково приемлемых. Но тезисы «четверки» во всяком случае совершенно определенно говорят о «постепенной ликвидации» террористической диктатуры, о «постепенной социалистической демократизации» режима и о «развязывании свободной организованной самодеятельности народных масс, способной противопоставить всем бонапартистским опасностям их самосознание и их твердую волю к самоопределению», — как о предпосылках,

лин, действительно готов пойти на сговор с Гитлером. Но надежды Сталина вновь терпят крушение. Кредиты предложены, это факт, но в остальном попрежнему, без перемен. Но Сталин упорен, не сдастся.

Осенью 1936 года Сталину опять кажется, что Гитлер пойдет на сближение. На заседании Политбюро подробно анализируются все данные, позволяющие сделать такой вывод.

Всю работу по подготовке окончательного сговора с Гитлером Сталин поручает своим доверенным людям, минуя официального полпреда в Берлине. Дело подготовки сближения поручается торговому представителю Советского Союза **Канделаки** и резиденту Наркомвнудела, находящемуся в Берлине; фамилии которого сейчас не помню.

Всем лицам и учреждениям, причастным к этой работе, Сталин лично дает следующую установку: «С Германией мы в ближайшее время договоримся».

Весной 1937 года Канделаки вместе с резидентом НКВД приезжают в Москву. В связи с их приездом в Политбюро и в ГПУ приподнятое настроение: все говорит за то, что мы накануне больших событий, существо которых по всем данным сводится к перемене курса внешней политики на все 180 градусов. Только в связи с приездом Канделаки и резидента стоит и назначение нового полпреда в Берлин — Юренева.

Речь Юренева при вручении им верительных грамот и ответная речь Гитлера воспринимаются демократическим и социалистическим миром как огромная сенсация. Для людей, знающих Сталина и его навязчивую идею о необходимости осуществить сближение с Германией, — эти речи не неожиданность.

Крупную игру ведут в Европе Гитлер и Сталин. Кто кого обманет в конечном счете, — сказать теперь еще нельзя, но сильнейшим в этой игре — пока оказывается Гитлер.

Истекший год не ознаменовался сближением Советского Союза с Германией. Это не значит, что Сталин отказался от своего плана. Серия больших политических процессов против всех руководителей Октябрьской революции, против верхи Красной Армии, которая по всему своему революционному прошлому была против соглашения с гитлеровской Германией, — говорит за то, что Сталин задумал новый способ для осуществления сближения: кровью революционеров промывает он сейчас путь в гитлеровскую Германию...

(Окончание следует).

World copyright by author

необходимых для выполнения Советским Союзом той роли, которую он может и должен играть в военной политике международного рабочего класса.

С полной категоричностью, подробностью и настойчивостью характеризуют эти предпосылки тезисы Заграничной Делегации нашей партии, к которым я и отсылаю читателя (№ 1 «С. В.», за 1936 г.), чтобы не загромождать статьи цитатами. Но, если тезисы «четверки» (считаясь с взглядами некоторых иностранных со-авторов) не исключали и гипотезы, что предпосылки эти будут созданы в порядке добровольной самоликвидации сталинской диктатуры, то тезисы ЗД не оставляли уже ни малейших сомнений насчет того, что в задачи и русского, и международного пролетариата входит борьба за их создание.

Во всяком случае даже для тех членов ЗД, которые голосовали против принятых ею тезисов, было ясно, что «при всем отрицательном отношении к внутренней политике большевистского правительства... важнейшей задачей русских социалистов во время войны должно быть всемерное содействие поражению армий фашизма». Именно поэтому авторы только что цитированного заявления (т. т. Аронсон, Кефали и Николаевский) могли констатировать, что у них «нет существенных разногласий с авторами тезисов» ни «в части, касающейся Германии», ни «по вопросу о линии поведения русских социалистов во время войны», и что поэтому голосовать против тезисов их побудили не расхождения в области этих проблем, а больше всего, «отсутствие необходимой ясности и последовательности» в вопросе о «бургфридене» и борьбе за власть в странах анти-германской коалиции.

Таким образом утверждение анти-фашистского характера военной политики пролетариата и признание защиты Советского Союза одной из центральных задач этой политики объединяло в то время подавляющее большинство членов партии. Но с тех пор немало воды утекло, и можно опасаться, что теперь этого единодушия уже не будет. Ибо с тех пор в эволюции советского режима получили явное преобладание те тенденции, которые менее всего содействуют демократизации советского режима и развитию организованной самостоятельности масс и, следовательно, менее всего способны создать предпосылки, подготовляющие Советский Союз к той роли оплота мирового рабочего класса в войне, какую он мог бы и должен был бы играть по мнению авторов «тезисов».

Отрицать все нарастающее усиление именно этих, контр-революционных тенденций не только не приходится, но именно пишущий эти строки не устает указывать на это усиление, подчеркивать его губительный характер с точки зрения интересов и советского, и международного пролетариата, настаивать на том, что развитие этих тенденций «до логического конца» было бы тяжчайшим поражением и советского, и международного пролетариата в его борьбе с мировым фашизмом и крайне ослабило бы его шансы на победу в надвигающемся «последнем и решительном бою». Но какие-же выводы следуют отсюда для военно-политической ориентации рабочего класса?

Должен-ли он отказаться от анти-фашистской установки своей военной политики, перестать считать основной своей задачей «содействие поражению армий фашизма» и, наоборот, в борьбе за мир и в борьбе за победу в войне ориентироваться на соглашение с фашизмом или на союз с одной национальной разновидностью его против другой, или, наконец, на «революционный» нейтралитет между двумя воюющими коалициями? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него решительным отрицанием.

Или, быть может, он должен вычеркнуть из числа

центральных задач своих защиту Советского Союза? Он во всяком случае не должен и не сможет сделать этого, пока Советский Союз остается в центре военно-наступательных планов мирового фашизма («пакт против Коминтерна»!).

Правда, за последнее время то и дело возникают толки не то о предстоящей, не то о совершающейся уже переориентации внешней политики Сталина в сторону Германии, и как раз печатающийся в этом номере отрывок из записок т. Кривецкого также напоминает об этом. Но, если говорить не об обязательном для всякого демократического и тем паче социалистического правительства стремлении исчерпать все возможности достойного сохранения мира, т. е. мирного «сосуществования» и с фашистскими странами (сохранять мир с Францией, Чехословакией или Швецией, конечно, не трудно!), а о разрыве Советского Союза с демократическими державами и вхождении его в военно-агрессивный фашистский блок, — то никаких объективных признаков такой переориентации пока не имеется. Более того, она представляется крайне невероятной. Не потому, что Сталин не захотел бы совершить и это преступление перед трудящимися массами Советского Союза и всего мира, если бы оно могло укрепить его шатающееся единодержавие, а потому, что он совершить его не может.

Связанный своим долголетним большевистским прошлым и в то же время забрызганный грязью и кровью последних лет, нагромоздивший своими кровавыми расправами вокруг себя лично так много ненависти и злобной мстительности, Сталин — слишком компрометирующая фигура, чтобы та упорядоченная, консервативная и морализирующая контр-революция, которой жаждут внутри страны известные слои по-революционного советского общества, охотно сделала бы его своим знаменосцем. И по той-же причине он вряд-ли сможет оказаться и на международной арене подходящим партнером для воинствующего (не только, так сказать, материально, но и идейно!) фашизма. Таким партнером смогли бы оказаться лишь те преемники его, которые, в порядке всяческих «дворцовых переворотов», пришли бы ему на смену под не запятанным никакими «марксистскими» и революционными воспоминаниями и традициями знаменем чистейшего национализма, расизма и ура-патриотизма и которые под этим знаменем могли бы легко столкнуться с германским фашизмом, либо откупившись от него кусками «дорогого отечества», либо став активным участником его грабительских походов на другие страны, прежде всего — на Польшу и Прибалтику, Балканы и Китай. Пролагающая путь упорядоченной, консервативной контр-революции в Советском Союзе, Сталин пролагает путь и «германской» переориентации его внешней политики. Но вряд-ли суждено ему самому пожать плоды тех злаков, которые он сеет...

Но снимает-ли та роковая эволюция, которую продвигает сталинская диктатура за последние годы, с порядка дня ту борьбу за сохранение Советского Союза в качестве оплота мирового пролетариата в мире и в войне, которую и тезисы «четверки», и тезисы ЗД выдвигали на одно из центральных мест в военной политике пролетариата? Никим образом!

Завершение этой эволюции, которое сделало бы Советский Союз неспособным играть роль такого оплота, было бы, как уже сказано, тяжчайшим поражением пролетариата, и советского, и мирового. Какое-же право имели бы мы сказать рабочему классу: «таскать тебе, не перетаскать!» и советовать ему отказаться от борьбы за Советский Союз, как за революционно-пролетарскую силу,

раньше, чем на деле не исчерпаны все возможности этой борьбы и чем сам ход событий не разрешил тяжбы между социалистически - демократическими и контр - революционно - диктаторскими тенденциями эволюции советского режима в завершительный период советской революции? Мы решительно против «пораженчества» по отношению к государствам анти-германской коалиции; но мы еще более решительно против «пораженчества» по отношению к советскому и мировому пролетариату!

Пока есть хоть малейшие шансы на предотвращение или, по крайней мере, на ослабление его поражения, до тех пор мы обязаны вести борьбу за его победу, а, следовательно, и ту борьбу за Советский Союз, о которой говорится выше. И чем более велика опасность поражения, с тем большею силою должны мы звать и советский, и мировой пролетариат к борьбе за то «развязывание свободной организованной самодетельности народных масс» Советского Союза, о котором говорили еще тезисы «четверки» и в котором заключается ключ — единственный ключ! — к победе социально - демократических тенденций развития над тенденциями контр - революционно - диктаторскими; с тем большею убежденностью должны мы указывать советскому и мировому пролетариату на ту колоссальную социально - революционную роль в его борьбе с фашизмом, которую должен и сможет сыграть Советский Союз в случае победы тенденций первого рода, и, наоборот, на роковое для этой борьбы значение победы тенденций второго рода; с тем большею настойчивостью должны мы бороться за ту «линию поведения во время войны», которая была намечена в тезисах и «четверки», и ЗД, и за усвоение этой «линии» всем Социалистическим Интернационалом, всеми отрядами международного пролетариата.

Не скидывание со счетов борьбы за Советский Союз, а, наоборот, усиление этой борьбы — вот к чему зовет нас катастрофическое нарастание тех контр-революционных тенденций, носительницей которых все больше делается сталинская диктатура. Это усиление и есть то «новшество», которое должно быть учтено, соответственно изменившимся обстоятельствам, в военно - политической тактике рабочего класса, на которое несколько не ломает основной линии международно-пролетарской военной политики, намеченной в тезисах «четверки» и ЗД свыше трех лет тому назад и с тех пор подкрепляемой всем ходом мирового развития.

II. ГАРВИ.

„НАШ МИР“

Дымовая завеса миролюбивых заверений окончательно рассеялась. «Ось» Рим-Берлин-Токио лицемерно пытались представить, как «железную скрепу всеобщего мира», долженствующую заменить «прогнившие балки Лиги Наций». На деле эта ось превратилась в вертел, на который одна за другой нанизываются жертвы агрессии.

Как раз за последнее время мы слышали ряд заявлений, которые не оставляют места сомнениям относительно действительного назначения пресловутой «оси». В Японии военный министр, ген. Сугияма, на собрании дивизионных генералов дал ясно понять, что, хотя «мы стоим за мир», но японская военщина не потерпит, чтобы Соед. Штаты помешали ей довести до конца китайскую экспедицию. Одновременно с этим

японский посол в Москве Шигемитсу заявил Литвинову, что если военная помощь Китаю будет продолжаться, «Советскому Союзу придется нести ответственность за возможные последствия». Право агрессора на беспрепятственное пожирание своей жертвы цинично противопоставляется, таким образом, принципу коллективной безопасности и взаимной помощи, как некая новая норма международного права. В Италии Муссолини на торжественном заседании — отныне имперского — сената заявил, что «мы намерены обеспечить мир, но наш мир». Каков этот «наш», фашистский, мир, видно из тут же данного дуче разъяснения, что «в отношениях между народами имел и имеет значение единственно военный потенциал». Цифровыми данными о необычайно высоком военном потенциале фашистской Италии Муссолини окончательно установил характер «нашего мира», долженствующего, очевидно, установиться с превращением Средиземного моря в «наше море». И, наконец, в Германии Геббельс, как всегда уточняя напыщенно - туманные рассуждения своего фюрера, поставил точку над i. Мотивируя необходимость создания всенемецкого рейха, т. е. немедленного осуществления программы пангерманизма, он заявил на «избирательном» собрании в Мюнхене: «Сейчас мы переживаем тот редкий в истории момент, когда готовится новый раздел земли».

Новый раздел мира — это и есть основная задача «оси» Рим-Берлин-Токио. Картографическим заведением безработица, таким образом, не угрожает, как и военной промышленности. Не только Европа — весь мир превращен в сплошной арсенал. За скачкой сухопутных и воздушных вооружений начинается всемирное состязание в морских вооружениях. Предвоенная мобилизация захватывает все — от народного хозяйства до психики. Под знаком подготовки к войне проходят и политические кризисы в ряде стран. Штык поставлен в порядок дня истории.

Анти-версальский ревизионизм оказался, как и следовало ожидать, лишь трамплином для воинствующего неоимпериализма фашистских и фашистообразных стран, образующих военнопасную «ось». Фашизм и есть наиболее современная форма империализма, в отличие от довоенного, крупно-капиталистического, захватывающего еще и широкие слои средних классов и даже пролетариата обещанием просторного «места под солнцем» и всех выгод, связанных с мировым господством. Переплетение справедливых «анти - версальских» требований с неоимпериалистическими, захватническими целями облегчает фашизму завоевание масс на сторону агрессивной внешней политики: закройщики версальского мира позаботились, к несчастью, о том, чтобы облегчить Гитлеру подведение массовой основы под неоимпериализм его тоталитарной диктатуры...

Но три государства, объединившихся с целью полного передела мира, по разному приступают к разрешению поставленной цели. В конце концов, Япония и Италия принадлежали к странам-победительницам и порвали с Антантой на почве неудовлетворенности при разделе добычи. Поэтому обе начали с неприкрытой агрессии — одна напала на Китай, другая на Абиссинию. Германия Гитлера пошла по пути наименьшего сопротивления. Она начала с самочинного исправления «Версаля», радикальная ревизия которого в пору веймарской демократии могла бы еще спасти европейский мир, предупредив приход Гитлера к власти. К несчастью, этой ревизии, написанной на знамени социализма, в свое время не последовало, — и вот Гитлер планомерно, звено за звеном, разбивает «цепи Версаля». Но чем дальше, тем явственнее самочинный ревизионизм Гитлера разоблачает себя, как исходный

пункт воинствующего пангерманизма и стремления к европейской и мировой гегемонии.

Аннексия Австрии была настоящим «прыжком пантеры», долго подготовлявшимся, но осуществленным с молниеносной быстротой. Выдать насильственную аннексию за добровольный аншлюсс — такова цель плебисцита 10 апреля. С демократической Европой не стесняются, ставя ее перед совершившимися фактами, но с ее архивно-дипломатической щепетильностью можно и посчитаться, чтобы разредить атмосферу и облегчить происки и маневрирование Рибентропа. Отсюда «фальшивка» плебисцита.

Скорострельный плебисцит в уже присоединенной, изнасилованной и «поравненной» Австрии был нарочито слит с выборами в новый «все немецкий» рейхстаг. Это жалкое подражание Бисмарку, который в свое время свободными выборами в имперский рейхстаг на основе всеобщего избирательного права решил скрепить объединение множества немецких королевств, княжеств и вольных городов.

Подготовка плебисцита велась в Австрии знакомыми методами, сочетающими ужасающий террор с ошеломляющим массовым внушением. Вся эта сложная операция, являющаяся с точки зрения подлинной демократии и международного права простой комедией*), имела однако немалое внутривнутриполитическое значение: она должна была сразу и на всем пространстве Австрии, бывшей Австрии, во всех слоях ее населения сломить внутреннее, моральное сопротивление, разрушить в каждом «честность с собой», раздавить психику противников гитлеризма сознанием и чувством собственного бессилия и политического малодушия. Даже после деморализации, внесенной клерикал-фашизмом Дольфуса-Шушница, нынешний режим национал-социалистического «поравнения» явится тягчайшим испытанием для австрийского пролетариата. Отныне только в тесном, органическом слиянии и сотрудничестве австрийских и германских социалистов залог успешности подпольной революционной борьбы с тоталитарной диктатурой: одна страна, один пролетариат, одна борьба под знаменем демократического социализма.

Внешиполитическое и военностратегическое значение аншлюсса огромно. Признание нового положения последовало со стороны Англии и Франции с обескураживающей быстротой. На очереди теперь Чехословакия, где готовятся уже внутренние условия для моторизованной интервенции. Правда, французское правительство дало твердые заверения о том, что Франция выполнит свои союзные обязательства. Но у Англии таких формальных обязательств нет, и речь Чемберлена в палате общин, хотя и сделавшая несколько словесных уступок Франции и собственной оппозиции, не внесла полной ясности в этот вопрос. Жестокая внутренняя борьба, разгоревшаяся под знаком автономизма и сепаратизма в многонациональной Чехословакии и усиленно разжигаемая со стороны — из Германии, из Венгрии и из Польши, — готовит обстановку, которая может создать для союзников Чехословакии, Франции и СССР, оправдательное «алиби» на случай, если они не сочтут в последнюю минуту возможным придти ей на помощь.

Но это будет означать, что Германия сделает новый

шаг на «историческом» пути германского империализма по линии Берлин-Багдад. Назначение фон Папена, столь успешно подготовившего аншлюсс Австрии, послом Рейха в Турцию свидетельствует о том, что германская дипломатия готовит почву на Ближнем Востоке для своих далеко идущих планов экспансии. Внешнеполитическое ослабление Советского Союза в результате безумной внутренней политики Сталина несомненно облегчит задачу фон Папена: расстроить дружбу Анкары с Москвой и перетянуть Турцию на сторону «оси». В конце концов, Турция была в мировой войне союзницей Германии, и едва ли она примирилась со своим поражением и со своим положением.

Но Германия, утвердившись теперь на Дунае, собирается возобновить движение на Юго-Восток разными путями. Она придвинулась почти вплотную к Триесту. Выход Германии к Средиземному морю сразу решил бы для нее две задачи: она одна отделила бы Зап. Европу от Восточной и в то же время она стала бы средиземно-морской державой. Другой путь — выход к Черному морю через Украину. Подготавливаемый сталинской внутренней политикой распад Советского Союза воскрешает старые виды германского империализма на Украину.

Но выход к Средиземному и Черному морям это для германского неоимпериализма задачи второй очереди. Овладение Австрией дает ей возможность уже сейчас, до территориальных изменений, связанных все же с «большой» войной, создать экономические основы «Средней Европы», принудительно, путем экономического и политического давления, включив Чехословакию, Венгрию, Югославию, а возможно и Румынию в сферу своего влияния и превратив их в своих вассалов.

Некоторые признаки указывают, правда, на то, что в странах юго-восточной Европы начинает ощущаться спасительный страх перед опасностью германской экспансии. Обмен «сердечными» телеграммами между министром иностранных дел нового румынского правительства и наркоминделом Советского Союза, как и заверения первого в верности союзной Франции, являются в этом отношении симптоматичными, как и некоторый поворот в настроении правящих кругов Польши и Венгрии. Но ориентация больших и малых стран юго-восточной Европы, как и прибалтийских стран, в небольшой степени будет зависеть от дальнейшей политики Франции и Англии, от их способности не на словах, а на деле возродить систему коллективной безопасности и взаимной помощи и оживить Лигу Наций.

Проблемы юго-восточной Европы тесно связаны с проблемами юго-западной Европы, т. е. прежде всего с испанской политикой Англии и Франции. Роковые плоды своеобразной «политики невмешательства», которая на деле привела к блокаде республиканской Испании демократическими государствами и к вооруженной поддержке ген. Франко фашистскими державами, сказываются с полной силой в эти трагические дни. Наступление националистов на арагонском фронте, поддержанное итальянской авиацией и танками и немецкой тяжелой артиллерией, оказалось сокрушительным, несмотря на героическое сопротивление республиканской армии. Войска Франко подходят к морю. Под Тортозой, этим последним заслоном, ограждающим узкую полосу прибрежья, связующего Каталонию с другой частью республиканской Испании, идут ожесточенные бои.

Разрыв между двумя частями Испании может оказаться началом конца. И понятно, почему именно в эти критические дни, когда требуется предельное напряжение

*) Плебисцитарные выборы под лозунгом: «один народ, одна империя, один фюрер» дали, правда, стопроцентный результат (99,1%), но, как правильно было указано в одной французской газете, это уже не выборы, не плебисцит, а народная перепись, свидетельствующая о тотальном терроре.

сил, совершилось, буквально под огнем неприятеля, давно назревшее и необходимое преобразование республиканского правительства путем включения в его состав представителей обеих профсоюзных организаций — социал - коммунистической и анархо - синдикалистской. На случай отрыва от Каталонии в Мадриде, по уполномочию правительства Негрина, образуется «хунта обороны», т. е. фактически второе правительство разделенной надвое республики.

Но никакое напряжение моральных сил сопротивления, никакие политические перегруппировки не в состоянии будут надолго парировать огромное военнотехническое превосходство националистов, целиком обязанное военной помощи Италии и Германии. Этой помощи не скрывают больше ни Италия, ни Германия. Фашистская Италия прямо сделала отказ от этой помощи предметом торга в переговорах с Англией о заключении нового «джентльменского» (?) соглашения. В этот час смертельной опасности для испанской республики консервативное правительство Англии ищет соглашения с Италией, заранее учитывая победу Франко, а фактически ее облегчая и приближая отказом испанскому правительству в праве закупки оружия.

Кардинальным условием соглашения, которое должно быть заключено на днях, является, правда, уход итальянских войск из Испании. Но, во-первых, Муссолини ясно дал понять в переговорах, что итальянские «добровольцы» покинут Испанию лишь «после окончания войны», т. е. после победы Франко, — в лучшем случае, когда эта победа будет обеспечена прорывом националистов к морю и решительным ударом по Каталонии, который отрежет республиканскую Испанию от французской границы. Во-вторых, и после ухода итальянских «волонтеров» в Испании останутся германские «техники», а также германские бомбовозы, танки и пушки. В обмен на проблематическое обязательство Италии («ключок бумаги») увести свои войска из Испании и признать суверенитет и территориальную неприкосновенность Испании и ее африканских владений — Англия обязуется добиться от Лиги Наций «разрешения» на признание аннексии Абиссинии и немедленно признать Итальянскую «империю» де-юре. В то самое время, как, согласно разоблачениям, оглашенным на днях в палате лордов, на африканском берегу воздвигается настоящий германский Гибралтар против английского Гибралтара, консервативное правительство Англии «уточняет» в переговорах с Италией детали соглашения, касающиеся Суэцкого канала, истоков Нила, итальянских войск в Ливии, будущего статута Палестины и т. п.

Консерваторы стараются представить англо - итальянские переговоры, как попытку оторвать Италию от Германии и тем расшатать «ось» Рим-Берлин. Не вернее ли будет признать, что эти переговоры являются для Муссолини и Гитлера средством расшатать с таким трудом налаживаемую «ось» Париж-Лондон, добиться разрыва франко - советского союза, возродить пакт четырех, изолировать СССР?

В самой Англии понимание преступной близорукости и опасности нынешнего курса внешней политики Чемберлена-Галифакса распространяется все шире — далеко за пределы Рабочей Партии. Снова и снова оппозиция возбуждает в палате общин вопросы внешней политики. Рабочая Партия прямо поставила вопрос о нарушении консервативным большинством полученного им от нации «мандата» и о необходимости апеллировать к стране. Блестящая победа кандидата Рабочей Партии на частичных выборах 6 апреля в округе Вест-

Фулхэм, в течение 20 лет неизменно посылавшем в палату общин консерваторов, отчетливо сигнализирует поворот в общественном мнении Англии. Когда правительство обратилось к трэд-юнионам с предложением употребить все свое влияние для усиления работы на оборону, представители трэд-юнионов, в полном согласии с Рабочей Партией, поставили предварительным условием перемену внешней политики Англии и дачу гарантий, что производимое оружие не будет продаваться странам тоталитарной диктатуры. Конгресс углекопов потребовал отказа от блокады республиканской Испании, хотя и отклонил предложение о поддержке этого требования всеобщей стачкой.

Но консервативное правительство не думает пока ни менять своей политики, ни обратиться к стране, т. е. распустить палату и назначить новые выборы. Сознательно путая политику мира с капитулянтством, оно руководствуется не столько соображениями о недостаточной подготовленности Англии, о невозможности вести активную политику сразу на двух океанах, о необходимости оглядываться на доминионы и на Соед. Штаты, сколько социальными притяжениями и отталкиваниями. Победа реакционных и консервативных кругов французской буржуазии, при помощи сената сумевших свергнуть правительство Народного Фронта, возглавлявшееся социалистами, может только усилить капитулянтскую политику демократических стран по отношению к странам-агрессорам. Жорж Боннэ вместо Поля Бонкура это целая программа...

К несчастью, эта победа капитулянтской линии во внешней политике демократий облегчена и отчасти стимулирована выпадением Советской России из круга держав, могущих реально и полновесно влиять на политическую констелляцию в Европе и в Азии. Судьба известной инициативы Литвинова о созыве конференции заинтересованных в отпоре агрессорам государств свидетельствует о безмерном падении внешнеполитического престижа и реального влияния Советского Союза, из субъекта внешней политики снова превращающегося в ее объект, а возможно и в «резервный фонд», за счет которого будет производиться намечающийся «полюбовный» передел мира.

Международный социализм не может и не должен примириться с мыслью о «фатальной» гибели республиканской Испании! Он не может и не должен мириться с капитулянтством господствующих классов, ослепленных социальными страхами. Правобуржуазная пресса обвиняет международный социализм в измене пацифизму и в переходе на позиции «белицизма», «крестовых походов», «религиозных войн», «революционных войн» и т. п. Нет, для международного пролетариата борьба за сохранение мира, этой необходимейшей предпосылки свободы, демократии и социализма, остается по-прежнему главной задачей. Но политика мира отнюдь не равнозначуща с политикой капитулянтства. Решимость поддержать коллективную безопасность мерами взаимной помощи, т. е. в случае неизбежности, и силою оружия, отнюдь не означает «белицизма». Переговоры и соглашения на основе конструктивной программы неделимого мира, допускающей самую широкую ревизию договоров и даже изменение границ — да! Капитулянтство и сделки за счет малых и слабых — нет!

Наш мир — это всеобщий и неделимый мир, основанный на коллективной безопасности, на взаимной помощи против агрессоров, на мирном пересмотре устаревших или несправедливых договоров в рамках Лиги Наций, на подконтрольном разоружении.

Р. АБРАМОВИЧ.

Французский пролетариат на повороте

Второе правительство Леона Блюма пало, не просуществовав и 25 дней. На смену ему пришло правительство Даладье, состоящее из радикалов, республиканско-социалистического объединения (группа Поля Бонкура-Фросара) и буржуазных «центровиков» умеренно-либерального крыла.

Правительство Блюма формально было сброшено сенатом, огромным большинством отклонившим финансовый проект Леона Блюма и связанные с этим специальные полномочия. Формально опять-таки дело обстояло так, что палата депутатов этот законопроект приняла и, следовательно, падение правительства Блюма можно представить, как конфликт между палатой и сенатом. Но на самом деле за этой чисто формальной стороной дела скрывается более глубокое содержание; чисто парламентские комбинации прикрывают серьезное изменение классовых соотношений.

Решительное социально - экономическое и политическое наступление, в столь бурных формах и столь широким фронтом начатое рабочим классом Франции в мае 1936 года, после избирательной победы левых, и давшее на первых порах столь значительные, можно сказать, исторические результаты, замедлилось и приостановилось уже к концу 1936 года. Растерявшиеся на первых порах капиталистические классы через некоторое время оправились, перегруппировали свои силы, закрепили свои позиции и начали сначала осторожно, а потом все решительней и решительней свое контр-наступление.

Для этого не было даже необходимости, чтобы все капиталистические и собственнические классы Франции были организованы в своего рода «совет сионских мудрецов», хотя, конечно, не было недостатка и в организованных и даже вооруженных заговорах (см. дело КСАР или кагуляров). Гораздо опаснее, чем заговор — это тот автоматизм социальной и политической реакции, который стихийно возникает в широких слоях населения в период бурных социальных или политических конфликтов. Первоначальные предположения первого правительства Народного Фронта о непосредственных благотворительных результатах предпринятых ими социальных и экономических реформ на деле не оправдались. Как мы уже в свое время указывали («Первый месяц эксперимента Блюма», «С. В.» № 13, 1936 г.), создалась неувязка во времени и в объеме между отдельными звеньями той стройной программы, которая была выдвинута в свое время Леоном Блюмом. В результате оказалось невозможным избежать ни девальвации, ни роста цен, приведшего частично к затруднениям в области внешней торговли, ни огромной утечки золота и капиталов за границу, ни целого ряда других отрицательных явлений. Сколько нибудь действительная борьба с этими явлениями на почве экономического либерализма была невозможна. Между тем, невозможен был и отказ от этого либерализма и переход к жесткой системе государственного контроля и вмешательства в экономическую и финансовую жизнь. Не только в силу сопротивления заинтересованных кругов, но и благодаря тому, что этому противоречили либерально - демократические традиции самых широких слоев французского народа, включая сюда и рабочий класс (характерно, что наиболее рьяными про-

тивниками девальвации и целого ряда других мер оказались во Франции как раз коммунисты).

Внутренние политические и финансовые затруднения правительства Народного Фронта были во много крат усугублены чрезвычайным обострением международного положения, создавшимся как раз к этому времени. Гигантская программа вооружений, рассчитанная на десятки миллиардов, опрокинула все с таким трудом скомбинированные планы бюджетного равновесия. Между тем все растущее сопротивление оправившихся от временной растерянности капиталистических классов, равно как и психологический перелом, произошедший под влиянием социального и финансового беспокойства и в толще средних классов сделали невозможным для первого правительства Леона Блюма дальнейшее продолжение его социально - реформаторской деятельности. Была объявлена «пауза». Пресловутая «серебряная стена» (или, вернее, «денежная стена») преградила путь дальнейшему развитию грандиозного эксперимента.

Разбить эту «стену» в условиях современного капитализма и при создавшихся соотношениях классовых и общественных сил можно было бы только путем социального переворота. Но в такую возможность серьезно не верили не только социалисты, но и прежде всего французские коммунисты, как раз в этот критический момент призывавшие не к пролетарской революции, а к созданию «правительства Французской Нации». Не имея возможности сломить сопротивление имущих классов силой, пролетариат вынужден был искать обходных путей, стремиться к компромиссу или топтаться на месте. Такого рода «топтанием на месте» было все, что произошло во Франции с момента падения первого правительства Народного Фронта и до настоящего времени.

Крупные социальные сдвиги обычно сопровождаются в странах демократии и перемещением политических сил. Особенностью современного состояния Франции является однако то, что вследствие известного избирательного консерватизма французских масс произошедшие молекулярные перемещения не сказались на результатах различных местных выборов, имевших место за последний год и даже за самые последние дни. Левые партии, в частности партии Народного Фронта, в общем сохраняют свои избирательные и парламентские позиции. Но если изменения не сказываются в количестве выбранных депутатов или в числе мандатов, то они ощущаются довольно ясно в поведении и настроении не-пролетарского сектора Народного Фронта. С каждым министерским или правительственным кризисом, с каждым решающим голосованием все больше увеличивается число тех радикал-социалистических, радикальных и иных «левых» депутатов, которые отпадают от правительственного большинства, изменяют ему или даже переходят на другую сторону. Повторяется столь знакомая уже во французской политической истории картина: парламент, вышедший из выборов с ярким левым большинством, сам, без новых выборов, становится все более умеренным, сползает все больше вправо, благодаря все большему поправлению все большей части радикальных и промежуточных группировок. При последнем голосовании 6-го апреля из 107 радикалов за проект Леона Блюма голосовало толь-

ко 63, а из 29 социалистов-республиканцев (группа Поль Бонкура) только 19*).

В виду такого положения и правительство Шотана и второе правительство Леона Блюма с самого начала являлись лишь временными паллиативами, созданными отчасти в надежде выиграть время, отчасти же просто потому, что политическая природа не терпит пустоты и какое-то правительство создать нужно. Под этим углом зрения было не совсем понятно (и нам лично казалось большой ошибкой), что социалисты в свое время не вошли в правительство Шотана. Столь же мало понятным представлялось и свержение правительства Шотана и замена его правительством Леона Блюма. Правда, у Блюма в момент образования его второго правительства была определенная, дальновидная политическая идея, которая могла бы в случае успеха вывести и рабочий класс и страну из создавшегося тупика. Это — идея широкого социального компромисса, идея демократического коалиционного правительства «от Тореза до Рейно». Нужно отдать справедливость поразительной интуиции Блюма: он нашел яйцо Колумба, конкретно указал ту равнодействующую, которая могла бы при известных условиях восстановить равновесие страны, столь необходимое как по внутренним, так и, в особенности, по международным соображениям.

Эта идея, в январе еще встретившая почти единодушное отрицательное отношение в среде самих социалистов, в марте уже была воспринята огромным большинством социалистической партии. Но она встретила самый решительный отпор со стороны капиталистических групп, несмотря на патетическое обращение Блюма, лично явившегося на соединенное собрание всех оппозиционных парламентских групп. Капиталистические классы устами Фландена и других категорически отказались пойти на тот компромисс, который им предлагал от имени пролетариата Блюм, и при котором в обще-национальном правительстве сохранялась гегемония и руководящая роль пролетарских партий. С этого момента инициатива Блюма теряла свой политический смысл, и его правительство заранее обрекалось на провал. Политически второе правительство Блюма пало не на 25-ый день своего существования, а уже на второй.

В своем отчете на Национальном Совете партии 10-го апреля Блюм с исчерпывающей ясностью и искренностью изложил ту ситуацию, которая сделала для социалистической партии (и вместе с тем для всего французского пролетариата, какие бы демагогические трюки коммунисты ни употребляли для сокрытия действительного положения дел) невозможным ответить 8-го апреля ударом на удар Сената. Но если в данной обстановке, и прежде всего в данной международной ситуации, нельзя мобилизовать широкие массы французского пролетариата для прямой борьбы против реакционного сената и капиталистических классов, саботирующих социальный и политический прогресс; если соотношение классовых сил, в конечном счете определяющее стратегию пролетариата, сейчас неблагоприятно для прямых боев, которые при данном настроении буржуазных классов, возросшем самосознании, непримиримости упираются в социальную революцию, — то, что остается для пролетарской партии, сознающей свою ответственность перед рабочим классом и страной, кроме политики возможного компромисса?

*) Внутренние трения в этой группе привели в последние дни к окончательному расколу: большинство ее, под руководством Деа, довольно решительно повернуло вправо.

Резолюция Национального Совета французской СП от 10-го апреля оставляет этот кардинальный вопрос открытым.

В своем уже упомянутом докладе на этом Совете Блюм указал, что и вхождение в правительство Даладьё на тех условиях, которые Даладьё предлагал, и невхождение в него ведет к целому ряду отрицательных и опасных последствий.

Партия почти единогласно высказалась за невхождение в правительство Даладьё. Легко понять мотивы, продиктовавшие Национальному Совету это решение: тут и понятное психологическое раздражение против предательского поведения радикалов; тут и личное недоверие к Даладьё, достаточно обоснованное всей историей прошлых взаимоотношений; тут и нежелание обременять партию ответственностью за политику, которая, как можно предвидеть, будет сильно отличаться от той, которая до сих пор была написана на знамени Народного Фронта. Но при всем уважении к авторитету партии и ее испытанных вождей, трудно объяснить себе те политические перспективы, под углом которых это решение было принято.

Ведь невхождение в правительство Даладьё отнюдь не означает, что социалистам не придется его систематически поддерживать в парламенте. Но длительная поддержка правительства, в которое не входишь, на действия которого не влияешь и политику которого не контролируешь, — это, как показала практика целого ряда стран, на их худший вид коалиции: партия имеет все отрицательные стороны коалиции, не имея ее положительных сторон. Мало того, уклоняясь от участия в правительстве Даладьё, партия сама толкает его в объятия разных сомнительных групп и клик, влияние которых вряд ли будет особенно благотворно для политики будущего правительства. Достаточно указать лишь на один пример. Если-бы Соц. Партия вошла в правительство Даладьё, министром иностранных дел был бы Леон Блюм; сейчас-же этим министерством управляет Боннэ, о тесных связях которого с лондонским Сити и с руководящими кругами правительства Чемберлена открыто говорит вся европейская печать. Как эта замена Блюма Боннэ отразится, в частности, на политике Франции в отношении к Испании, Италии, Германии, — об этом говорить не приходится. Но то же относится и к вопросу внутренней политики, финансовых мероприятий, социальной политики и т. п.

Отказ от участия в министерстве Даладьё имел бы политический смысл, идущий дальше интересов ближайшего дня, только в том случае, если бы можно было рассчитывать, что, оставаясь вне этой комбинации, партия пролетариата подготавливает либо свое грядущее революционное торжество, либо же хотя бы успех той комбинации «национального правительства вокруг Народного Фронта», о котором мечтал Блюм в январе этого года. Но возможно-ли, трезво учитывая тенденции нынешнего международного и внутреннего развития, серьезно надеяться на то, что в момент торжества Гитлера в Австрии, а завтра, может быть, и в Чехословакии, в эпоху «джентльменского соглашения» между Чемберленом и Муссолини, к которому на тихий, лавалевский манер может примкнуть и Боннэ; что перед лицом гигантских финансовых и экономических жертв, связанных с программой вооружений, которую практически вынужден поддерживать и рабочий класс Франции, — станет возможным то, что оказалось невозможным в 1936 году, в момент максимального подъема массового движения, или даже то, что Блюм безуспешно предлагал в январе и марте 1938 года? Разве время сейчас во внутреннем и международном масштабе работа-

ет на социалистический пролетариат? Разве мы не находимся у преддверия мировой войны?

Сейчас более, чем когда-либо, судьбы пролетариата и страны зависят от ясной, трезвой, целеустремленной политики, подчиняющей эмоции, чувства и предрассудки холодному учету разума, жертвующей менее важным, хотя и существенным, для спасения главного — основ демократической государственности и антифашистской военной ориентировки. — Французский Социализм это чувствует, но не решается еще твердо стать на этот путь. Но судьбы французской демократии — это судьбы всей Европы. Вместе с французским социалистическим пролетариатом на решительном повороте находится и весь мир.

ЗАГРАНИЦЕЙ

СОВЕЩАНИЕ АВСТРИЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

В начале апреля состоялось, в присутствии секретаря РСИ, совещание пребывающих за границей руководящих членов партии австрийских Революционных Социалистов.

Констатируя окончательную оккупацию Австрии германскими войсками, совещание подчеркнуло, что свою освободительную борьбу австрийские рабочие не могут вести в союзе с теми реакционными клерикально-фашистскими силами, которые проложили Гитлеру путь в Австрию, и что только общенемецкая революция может освободить и австрийский народ от национал-социалистической деспотии. Так называемому плебисциту, который будет производиться в обстановке террора и результаты которого, заранее предписанные, будут возведены подконтрольными лишь гитлеровской диктатуре комиссиями, совещание заранее не придает никакого значения.

Организационные задачи и позиции австрийского движения в новых условиях совещание формулировало в следующих положениях:

«Мы стоим на той точке зрения, что нам предстоит общая с рабочим классом Германии борьба против общего фашистского угнетателя. Австрийские рабочие, прошедшие суровую школу клерико-фашистской диктатуры, сумеют вести эту борьбу. Приспособление к новым условиям борьбы, основательное ознакомление с проблемами германского тоталитарного режима, борьбы с ним и его преодоления — таковы самые настоятельные задачи австрийских социалистов. Свое объединение с германским социалистическим движением они смогут осуществить лишь после того, как это движение создаст необходимые для того политические и организационные предпосылки. Существенная задача австрийских социалистов состоит в содействии организационному единству и идейно-политическому обновлению германского социализма.

«До тех пор австрийские социалисты останутся самостоятельной организацией в рамках РСИ. В качестве вспомогательного органа для движения в самой стране создается Заграничная Делегация, имеющая при себе расширенный руководящий орган. Нынешнее Заграничное Бюро распускается».

СЪЕЗД НЕМЕЦКИХ С.-Д. В ЧЕХОСЛОВАКИИ.

26-27 марта состоялся в Праге съезд немецких социалдемократов, имевший в хорошо известной международной обстановке особо важное значение. Съезд, в котором приняло участие 584 делегата, был посвящен исключительно текущим политическим проблемам и, уполномочив новоизбранный ЦК партии вести внутри-политические переговоры на основе программных заявлений, сделанных в речи нового председателя партии Якша, единогласно постановил поставить дальнейшую тактику партии в зависимости от исхода этих переговоров.

Основным в этой тактике является вопрос о дальнейшем пребывании партии в составе правительственной коалиции. Как известно, две из трех немецких партий, имевшие до сих пор представителей в чехословацком правительстве, — немецкие аграрии и христианские социалисты — под давлением Гитлера покинули коалицию, отказались от так наз. «активистской» политики (т. е. политики активного сотрудничества с чехами) и перебежали к национал-социалистам (партия Гейнлейна). Немецкие социалдемократы остаются пока в коалиции, хотя бывший доныне председателем партии Людвиг Чех и покинул пост министра здравоохранения.

Отставка Л. Чеха связана с его уходом с поста председателя партии. Об этом уходе съезду было сообщено в форме согласованного с т. Чехом заявления, в котором говорится, что т. Чех отказывается от занятия какого-бы то ни было поста в ЦК партии, но, само собою разумеется, будет по-прежнему работать в движении. Новым председателем партии был единогласно избран Венцель Якш. Секретарем партии остался Зигфрид Тауб.

В своей программной речи Якш подчеркнул три «реальности судетско-немецкой политики»: 1) Неизменность государственных границ. 2) Неизменность демократической конституции Чехословацкой республики. 3) Сохранение Праги в качестве экономического и административного центра. Он требовал признания немцев «вторым государственным народом», но категорически заявил: «под угрозой насилия чешская политика отступать не должна».

Съезд одобрил в принципе «программу мира и экономического восстановления», предложенную т. Ревальдом и излагающую хозяйственные требования и предложения партии.

На съезде много говорилось о тяжелом положении немецких рабочих в пограничных областях Чехословакии, которым приходится выносить не только бремя долготерпимого экономического кризиса, но еще более тяжкое бремя национал-социализма, уже и сейчас практикующего в пограничных областях, через посредство партии Гейнлейна, бесстыдный и жестокий террор. К этим «фронтникам свободы» Якш обратился от имени съезда с приветом и обещал, что партия «будет стараться всемерно охранять их жизнь и свободу».

ИЗНАСИЛОВАНИЕ ЛИТВЫ.

В Международном Информационном Бюллетене, издаваемом секретариатом РСИ, т. Балтикус пишет на эту тему между прочим:

«Чтого хочет Польша? Имеются, несомненно, две программы: большая и малая. Большая имеет в виду полную аннексию Литвы и раздел остальных прибалтийских государств, причем Польша должна действовать в этом случае совместно с Германией. Польша должна получить Двинск и Либаву, т. е. южную часть Латвии. Германия — Данциг, Мемель и протекторат над северной Латвией и Эстонией. Рига должна остаться нейтральным порто-франко. По очень достоверным источникам такого рода обширные планы служат за последнее время предметом весьма серьезного обмена мнений между Варшавой и Берлином.

Если на этот раз дело до осуществления этой большой империалистической программы не дошло, то тому есть несколько причин. Во-первых, не удалось еще достигнуть окончательного соглашения между Польшей и Германией, и пришлось поэтому программу большого грабежа отложить, что отнюдь не означает отказа от нее. Во-вторых, представлялось желательным предварительно выяснить, как отнесутся Советский Союз, Англия и Франция к ультимативным требованиям по адресу Литвы, чтобы вывести отсюда заключения на будущее время. Потому-то, после многодневных секретных совещаний, польское правительство решило ограничиться пока ультимативным требованием к Литве о немедленном восстановлении дипломатических отношений, т. е. практически об окончательном отказе Литвы от своей исторической столицы и от 200.000 литовцев, живущих в Виленском округе...

ЛАТВИЙСКИЙ С.-Д. ЖУРНАЛ.

Вышел № 1 ежемесячного журнала «Brīvība», издаваемого вне Латвии заграничным комитетом Социалистической Рабоче-крестьянской Партии на латышском языке. «Brīvība» содержит разнообразную и интересную информацию о политическом и экономическом положении современной Латвии и ставит своей задачей — борьбу против фашистской диктатуры и защиту интересов трудящихся Латвии.

Подписная плата: 1 мес. — 5 франц. франков, для Америки — 50 центов. Контора и редакция «Brīvība» просят направлять заказы: C. Chèques-Postaux: Skomorovsky 126098. Paris. На обороте перевода следует обязательно указать для «Brīvība».

ИЗ ПАРТИИ

ГОДОВИЩА СМЕРТИ П. Б. АКСЕЛЬРОДА И Ю. О. МАРТОВА.

Апрель текущего года отмечен 15-летием смерти Юлия Осиповича Мартова-Цедербаума (4 апреля) и 10-летием смерти Павла Борисовича Аксельрода (17 апреля).

Аксельрод больше чем кто-либо дал нашему, «меньшевистскому» течению социалдемократии основные принципы его социально-политической методологии и стратегии. Мартов больше, чем кто-либо, научил нас применять эти принципы

в сложной и противоречивой обстановке большевистской революции, в трудных условиях той катастрофической эпохи, в которую вступил мир в ходе и в результате последней «великой» войны.

Десять лет прошло с тех пор, как закрылись глаза и сомкнулись навеки уста патриарха нашей партии. Пятнадцать лет тому назад сошел в могилу ее великий публицист и политический вождь. Но за все эти бесконечно тяжелые годы, каждый из которых нес с собою столько новых и неожиданных сдвигов, столько новых и запутанных проблем и которые нам пришлось пережить **без них**, они все-же незримо, но неизменно были **с нами**, были с партией, которой они так много дали и которая постоянно снова и снова должна возвращаться к тому, что они дали, чтобы уверенно идти вперед в новых условиях, по новым путям.

Вот почему годовщины наших великих усопших — это для нашей партии не просто поминовение мертвых; это — животворящее прикосновение к тому живому и бессмертному, что оставили ей в наследие ее создатели и строители, о которых с особым правом и с особо глубоким смыслом можно сказать: память о них остается в партии **жива!**

ПО РОССИИ

ПОД УДАРАМИ СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА.

(Из переживаний и наблюдений итальянского коммуниста)*).

Арест.

С 1933 по 1938 год я работал в России углекопом, каменщиком и камнетесом. Приехав убежденным коммунистом, я в 1934 году был исключен из партии за «хулиганство». Предлогом к тому послужила моя драка с комсомольцем, пытавшимся украсть мои инструменты. Действительной же причиной моего исключения было то негодование, которое вызвали во мне ужасные условия жизни рабочих. Я был премирован в последние годы комнатой для себя и жены (отдельная комната — предел роскоши для русского рабочего!), и эта премия доказывает, что я действительно был одним из лучших «ударников», и заранее обезоруживает недоверие тех, которые могли бы заподозрить во мне саботажника.

Я был арестован в своей квартире, на заре. Все аресты в России, в том числе и аресты рабочих, производятся с одинаковой грубостью: стук в двери, орава агентов НКВД с револьверами в руках и криками «руки вверх», ни малейшей деликатности по отношению к жене; еще раздетой и в постели, немедленный грубый обыск. Полицейские тотчас-же набрасываются на мои книги, но находят лишь произведения Маркса и Ленина. Все мои бумаги и письма, хотя и прошедшие уже через официальную цензуру, конфискуются. Большое значение придается, повидимому, двум адресам итальянских революционеров, живущих за границей.

После заезда на Лубянку, меня доставляют в автомобиле в Бутырскую тюрьму. С этого момента я за все 8 месяцев своего заключения не имел никаких известий о жене (она была на седьмом месяце беременности, и я ничего не знал о ребенке, который должен был родиться), ни одного посещения, ни одного письма. Передачи были также запрещены, и все, что я знал, это, что моя жена послала мне несколько рублей, урвав их из своего голодного заработка. По этому случаю надзиратель принес мне книгу, вся страница которой была тщательно закрыта металлической пластинкой с небольшим вырезом на том месте, где я должен был расписываться. Он и потребовал от меня этой расписки, вручив мне квитанцию на 5 рублей, посланных моею женой. Такой способ расписываться на листе, закрытом от взоров расписывающегося, обычен в русских тюрьмах по всяким поводам, и можно представить себе, сколько злоупотреблений делается таким образом, чтобы получить подпись заключенного под любым, ему совершенно неизвестным заявлением!

Обвинение.

После восьми дней, проведенных в одиночке, в строгой изоляции, меня вызвал судебный следователь, чтобы предъявить мне обвинительный акт, состоявший из нескольких строчек. Я обвинялся по ряду пунктов статьи 58 Уголовного Кодекса. Так, по п. 4 я организовал помощь международной буржуазии; по п. 6 занимался шпионажем; по п. 8 был

террористом; по п. 10 создал анти-советскую организацию; по п. 11 вел анти-советскую агитацию.

Я ответил следователю, что чтения статей закона недостаточно: надо еще доказать, что я нарушал эти статьи, и, лишь весьма недостаточно владея русским языком, я требовал приглашения итальянского переводчика. Следователь ответил мне, что вполне хорошо понимает меня и прочтет мне запись моих показаний. Я уступил его настояниям и впоследствии дорого заплатил за это.

Следователь начал с вопроса, не состоял-ли я в троцкистской или анархистской группе, или в группе Бордига. Я ответил ему перечислением длинного списка социалистических, коммунистических и профессиональных организаций, членом которых я в то или иное время был, и ни одна из которых не принадлежала к тем течениям, которые мне вменялись в вину. Впоследствии, проверив мои показания, следователь сам вынужден был признать их правильность.

Что касается шпионства, то следователь видел доказательство его в моем хождении к итальянскому консулу. Я восстановил дело, как оно было, напомним о письменном документе, конфискованном у меня при обыске. Дело в том, что в августе 1936 года я просил отпустить меня сражаться в Испанию и по этому случаю указал партийному руководству, что у меня нет паспорта: ведь, у каждого политического беженца, прибывающего в Россию, под тем или другим предлогом отбирают документы, всеми средствами морального давления побуждая его принять советское гражданство. Мой собственный паспорт был попросту оставлен у себя Красной Помощью. Равазио, видный чиновник Коминтерна, секретарь итальянской эмиграции, и Буцци, делегат Красной Помощи для итальянских эмигрантов, посоветовали мне обратиться с просьбой о выдаче паспорта к консулу. Я просил их дать мне письменное разрешение на такое обращение, и они мне это разрешение в самой официальной форме выдали в присутствии свидетелей: Мартинелли и Верди.

После этого я отправился к консулу, который записал мою фамилию и спросил меня о мотивах, по которым я покидаю Россию. Я сказал ему, что делаю это, не желая принимать советского гражданства.

К февралю 1937 года, прежде чем выдать мне паспорт, консул прочел мне приговор, вынесенный против меня в Италии, и требовал, чтобы я предварительно заявил о своей готовности подчиниться ему. Я освedomил об этом Буцци, который посоветовал мне сделать такое формальное заявление. Я все-же отказался сделать это и настаивал перед консулом на первоначально заявленном мною мотиве отъезда, т. е. нежелании принять советское гражданство. В конце концов паспорт был мне выдан.

В тот же день, 22 февраля 1937 года, я передал его Красной Помощи, и делегат Верди заверил меня, что в 5-10 дней все формальности по отъезду будут выполнены. Но тщетно я обращался в Красную Помощь и через 20 дней, и через месяц: свой паспорт я увидел лишь по окончании своего заключения, на самой границе. Стража ГПУ вернула мне его, и тотчас-же его снова отобрала у меня польская полиция.

Я заметил следователю, что это хождение к консулу, квалифицированное им как шпионаж, было предпринято мною по совету ответственных руководителей партии, и что письменное разрешение их было найдено при обыске.

По части терроризма следователь уверял, что я готовил покушение против Сталина и даже нарочно нанял комнату на улице Маркса-Энгельса, недалеко от которой Сталин обыкновенно проезжает. На это я ответил, что комната эта была дана мне в виде премии администрацией учреждения, в котором я работал (трест «Металлострой», контора № 2), и потому выбирать ее местоположение я не мог.

Относительно анти-советской агитации я просил более точных данных, которых следователь дать не мог.

Переходя к анти-советской организации, следователь заявил, что мы устроили тайное собрание итальянских эмигрантов, на котором я предлагал одному товарищу 500 рублей, чтобы завербовать его в такую организацию. Я понял, что речь шла о вечеринке, которую как-то устроили Паппа, Скариолли, Прато и я и на которой мы много ели и много, сликом много, пили вина Кагор. Я вспомнил о словах, сказанных Прато одному из товарищей, в тот момент пьяному, что он, Прато, присутствует тут по партийному служебному долгу и, хотя и не желает мне зла, но донесет на меня. В то время я не подумал об этом, но впоследствии, сопоставляя разные факты, я установил, что этот Прато, настоящий агент ГПУ, работал в контакте с коммунистами Бертони и Работи: он посещал итальянских рабочих, ожесточенных нищетой, в которой им приходилось жить, записывал их жалобы и доносил на них, как на контр-революционеров. Следователю я возразил, что дело шло о простой товарищеской встрече, не имевшей никаких других целей, кроме отдыха и развлечения.

(Окончание следует).

* От редакции. Настоящее письмо доставлено нам во французском подлиннике одним из видных деятелей рабочего движения со следующей припиской: «Письмо написано рабочим, бывшим членом итальянской коммунистической партии, отправившимся в Советскую Россию в 1933 году с разрешения Красной Помощи. Разрешение это было ему дано в виду тяжелой кары, грозившей ему в Италии (18 лет тюремного заключения) и высылки его из ряда европейских стран».